

Чу Цзюсюй взял один томик и раскрыл его. И Вэнь тихонько прошептал ему на ухо:

— Это сочинил взрослый Гоу.

Гоу Вэй?!

У Чу Цзюсюя от неожиданности дрогнула рука, и книга чуть не полетела на пол, а в памяти тут же возникли зловещие, тусклые рыбы глаза!

Кто бы мог подумать, что мрачный, погруженный в тлен Гоу Вэй способен писать любовные романы о юных девах? В бытность свою обычным студентом он жил в крайней бедности и подрабатывал тайным сочинением подобных вещиц. Кто же знал, что его книжки мгновенно взлетят на волне популярности? Гоу Вэй и раньше питал страсть к подобному творчеству, а теперь и вовсе вошел во вкус и не останавливался уже долгие годы.

Его произведения совершенно не вязались с суровым образом самого Гоу Вэя. В отличие от историй о несчастной любви талантливых ученых и красавиц, Гоу Вэй писал обо всем подряд: о браках знатных девиц, о слугах и горничных, о куртизанках и даже сутенерах — хотя находилось место и традиционным сюжетам о благородных мужах и возлюбленных.

Прочитав парочку опусов Гоу Вэя, Чу Цзюсюй мог охарактеризовать их лишь двумя словами: приторно-сладкие!

Или, если выразиться точнее, от этой сладости у любого в груди начинало тревожно щемить.

Книги Гоу Вэя обрели бешеную популярность вовсе не благодаря высокому слогу, а потому, что отношения между главными героями были донельзя милыми и приторными.

Живя в этом мире, кто, кроме беззаботных младенцев, не вкусил горя? А уж детские годы многих и вовсе проходят в сплошных лишениях.

Истории же Гоу Вэя отражали то, о чем люди больше всего мечтали или чего не могли добиться: спокойную жизнь от рождения до смерти и сладкую гармонию между мужем и женой.

Находились смельчаки, пытавшиеся подражать стилю Гоу Вэя, но терпели неудачу за неудачей. Причина была проста — в их романах не хватало сахара, они казались пресными. Становилось очевидно, до какой же степени слащавы произведения взрослого Гоу, с боем проложившего себе путь к успеху.

В общем, Чу Цзюсюй осилил едва ли половину книги, как ему показалось, что у него начали крошиться зубы, и он зарекся брать в руки подобное чтиво.

Остальные книги Чу Цзюсюй лишь бегло пролистал и швырнул обратно на стол:

— То, что ты любишь читать романы — еще полбеда, но почему вместо хорошего ты переняла сплошную дурь? Посмотри на эти книги, есть ли там хоть одна героиня, которая вела бы себя так же бесстыдно, как ты, навязываясь человеку, которому даром не нужна?

Чу Лин опустила голову, а в глазах заблестели слезы.

Тон Чу Цзюсюя немного смягчился:

— Разве в этих повестях женщины поступают аморально? Ничуть. Там описывается то, как супруги после свадьбы живут душа в душу.

Восемь знаков судьбы не сошлись.

Чу Цзюсюй вздохнул:

— Раз уж твой разум помутился от этих книжонок, давай-ка твой дядя поговорит с тобой о них. Разве героини оттуда не следовали воле родителей и словам свах? Они открыто входили в дом мужа через парадный вход, а затем благодаря собственному усердию добивались взаимной любви и согласия с супругом. Главное здесь — именно взаимность, понимаешь ты это?

Слёзы Чу Лин капля за каплей падали на пол.

Чу Цзюсюй не выказал ни капли жалости:

— Мне что, позвать государственного наставника, чтобы он сам сказал вам, есть ли между вами взаимная симпатия?

Чу Лин молчала.

Чу Цзюсюй продолжил:

— Я тоже не закаменелый ретроград. До тех пор пока вы любите друг друга и подходите по характеру, я бы выдал тебя замуж с поистине пышным торжеством, будь твой избранник хоть монахом, хоть евнухом. Но только не государственный наставник.

— Почему нет? Я — принцесса великой державы, неужели я в чем-то его недостойна? — срывающимся голосом произнесла Чу Лин.

Да проще мне было бы разбить голову о стену, чем распинаться здесь перед тупым скотом!

Кровь императорского брата и впрямь дурная!

На сердце у Чу Цзюсюя скребли кошки:

— Если рассуждать о происхождении, Цзин У — государственный наставник. Это не он тебя недостоин, а ты его. К тому же Цзин У к тебе равнодушен, и мы с Его Величеством не можем силой заставить государственного наставника жениться на тебе.

— Почему не можем? Он мне нравится, я хочу выйти только за него, придумай что-нибудь, дядя! — взмолилась Чу Лин.

Дядя уже вознесся на небеса, так что не беспокойте его ни по какому поводу!

Устало потеряв переносицу, Чу Цзюсюй произнес:

— Раз уж с тобой толком не договориться, оставайся здесь и думай над своим поведением. Выйдешь только тогда, когда одумаешься.

— Дядя! Как ты можешь быть таким жестоким! — на лице Чу Лин отразилось крайнее изумление. — Ты всего лишь дядя! Даже Вдовствующая императрица Чжоу мне слова не говорит, с какой стати тебе командовать мной?!

Чу Цзюсюй просто пропустил ее слова мимо ушей и зашагал к выходу со двора.

Евнух Ван услышал слова Чу Лин, и его брови сошлись на переносице — в сердце у него шевелилась лишь глубокая жалость к регенту.

Засунув руки в рукава и глядя на раскидистое дерево впереди, Чу Цзюсюй вдруг отчетливо сообразил: Цзин У — монах, а монахи не женятся. Выходит, все его разговоры с Чу Лин были пустой тратой времени!

— Ван, скажи, мы с государственным наставником случаем не заклятые враги от рождения? Почему, едва он появляется на моем пути, не жди добра? — поинтересовался Чу Цзюсюй.

И как на такое отвечать?!

Тщательно подбирая слова, евнух Ван произнес:

— Государственный наставник обладает выдающейся внешностью, вполне естественно, что от желающих приблизиться к нему нет отбоя. Впрочем, за вашим высочеством тоже увивается немало знатных девиц.

Чу Лань сидел за письменным столом и яростно водил кистью, а рядом уже возвышалась целая корзина с проверенными докладами.

В комнату вошел евнух Пань:

— Ваше Величество, всё выяснили. Хозяйкой той старой няньки является матушка Вэньчжэньского хоу, Чжоу И.

Хотя Чжоу И уже носил титул Вэньчжэньского хоу, делами в клане по-прежнему заправлял старый хоу — Чжоу Сюн. За свою жизнь Чжоу Сюн сменил трех законных жен. Первая была его подругой детства и скончалась родами, оставив после себя дочь — будущую наложницу императора Чэнсюаня.

Чжоу Сюн безумно любил первую супругу и клялся больше не жениться, но мужским обещаниям верить — себя обманывать. Спустя пять лет Чжоу Сюн взял в жены мать Чжоу И. Вторая госпожа тоже оказалась недолговечной: она умерла не прошло и года после рождения Чжоу И, а на следующий год в дом вошла мать Вдовствующей императрицы Чжоу.

Все трое детей в семье Чжоу были рождены от одного отца, но разных законных жен. И только император Чэнсюань отличался простотой нравов: мало того, что сам женился на сестре этих людей, так еще и позволил собственному сыну взять в жены их младшую сестру.

— Я понял, — Чу Лань даже не поднял головы, и на этом разговор был окончен.

Весть о том, что он задержал во дворце няньку из покоев Вдовствующей императрицы, уже разнеслась повсюду, и теперь оставалось лишь ждать реакции всех заинтересованных сторон, а также понять, что именно замышляет Чжоу И.

Не Минчжи, которому предстояло выбрать дату для свадебных даров и сыграть свадьбу меньше чем за месяц, спешил вовсю, и Чу Лань выделил ему трехдневный отпуск.

Чему бывать, того не миновать, а когда в жизни радостное событие, и душа поет. Не Минчжи от природы обладал утонченной, благородной внешностью, а алые свадебные одежды лишь подчеркивали его стать — редкий гость разглядел бы в этом статном молодом человеке искусного телохранителя, да к тому же командира личной стражи императора второго ранга. Будучи особо приближенным к сыну Неба и бывшим компаньоном по учебе регента, Не Минчжи праздновал свадьбу с поистине грандиозным размахом, к тому же он являлся старшим законным сыном в поместье герцога Чэнцзэ.

Чу Цзюсюй, разумеется, не мог пропустить свадебный пир Не Минчжи, тогда как Чу Лань ради собственной безопасности решил остаться во дворце, а государственный наставник Цзин У издавна предпочитал тишину и покой, к тому же стремился избегать лишних слухов, а потому тоже не явился.

Стоило Чу Цзюсюю появиться на торжестве, как в шумном зале на мгновение воцарилась тишина. Сообразив, в чем дело, гости поспешно поднялись со своих мест и отвесили поклоны:

— Регент!

Чу Цзюсюю занял свое место:

— Встаньте.

Герцог Чэнцзэ был крепким, рослым мужчиной лет сорока с лишним. Выросший Не Минчжи совершенно на него не походил. Все эти годы герцогство Чэнцзэ неуклонно клонилось к закату, и по сравнению с былом величием предков Не Цзэу испытывал лишь горечь нереализованных амбиций. Лишь появление Не Минчжи позволило роду Чэнцзэ вновь устремиться ввысь, однако в одиночку Не Минчжи все же было маловато, чтобы поднять целый клан.

Не Цзэу поспешно подошел к Чу Цзюсюю с чашей вина:

— Какая честь для нашего скромного дома, что регент удостоил нас своим визитом!

Не Минчжи приходился регенту партнером по учебе, да и сам Чу Цзюсюю уже пару раз пересекался с Не Цзэу. В отличие от Не Минчжи, этот мужчина превыше всего ценил выгоду, поэтому близких отношений они не поддерживали:

— Вы преувеличиваете, господин герцог, разве мог я пропустить свадьбу Минчжи?

Сияющий от радости Не Цзэу подтянул к себе Не Минчжи и хлопнул его по плечу:

— Парень родился под счастливой звездой, раз император и регент столь высоко ценят его!

Заметив, что Не Цзэу собирается снова поднести чашу, Не Минчжи поспешно увел отца в сторону: здоровье Чу Цзюсюю оставляло желать лучшего, и если бы тот захмелел до дурноты, император живо содрал бы шкуры с них обоих — отца и сына.

Пробыв на свадебном пиру совсем недолго, Чу Цзюсюю ушел. Пока он оставался на месте, гости просто не могли расслабиться; в конце концов, свадьба должна быть веселой, а раз он засвидетельствовал свое почтение, задерживаться дольше не имело смысла, чтобы не портить людям праздник.

Хуа Юньгэ состоял при Чу Цзюсюю и был знаком с Не Минчжи, поэтому, разумеется, тоже прибыл на торжество, а когда Чу Цзюсюю ушел, последовал за ним.

Вскинув голову и глядя на усыпанное звездами небо, Чу Цзюсюй поинтересовался:

— Юньгэ, ты никогда не думал о женитьбе?

Хуа Юньгэ коснулся пальцами нефритовой подвески у себя на груди и улыбнулся:

— Ваше высочество, я человек упрямый. Если уж втемяшилось что-то в голову — назад не сверну. Быть может, когда-нибудь мне захочется обрести свой очаг, и тогда я женюсь, но сейчас у меня и в мыслях такого нет.

Чу Цзюсюй повернулся к нему:

— А великая принцесса?

— Принцесса благородна, величественна, мягкосердечна и добродетельна — она, безусловно, прекрасна. Но я упертый человек: уж если познал на собственном опыте, каково это — любить кого-то по-настоящему, то раз сейчас не полюбил, то в будущем и подавно не смогу, — ответил Хуа Юньгэ.

Чу Цзюсюй вздохнул:

— У меня уже руки опускаются. Юньгэ, не мог бы ты сделать так, чтобы великая принцесса оставила эту затею?

— Непременно, — Хуа Юньгэ сложил руки в приветствии. — Развеять тревоги вашего высочества — мой прямой долг.

На следующий день он пригласил Чу Юань в особняк и велел им побеседовать с Хуа Юньгэ с глазу на глаз. Наблюдая издаലെка, Чу Цзюсюй не имел ни малейшего понятия, что такого наговорил Хуа Юньгэ, но в итоге Чу Юань выбежала со двора в слезах.

Про себя Чу Цзюсюй тяжело вздохнул: дети — сплошное наказание, а племянницы и вовсе не исключение.

Подойдя ближе, Хуа Юньгэ с улыбкой произнес:

— Ваше высочество может не беспокоиться, через несколько дней великая принцесса сама все поймет.

Хуа Юньгэ не стал вдаваться в подробности того, как именно он уговорил Чу Юань, и Чу Цзюсюй не стал допытываться. Репутацию и нрав Хуа Юньгэ он знал и ценил; порой прошлое

лучше оставить в прошлом — за минувшим не угнаться.

Замысел Чу Ланя допросить Чжоу И провалился: тот слег с болезнью. Вернее, не столько заболел, сколько оказался парализован — лежал пластом, не в силах пошевелиться и даже вымолвить слово. Стоило Чу Лани вырвать старуху из Дворца Милосердия, как Чжоу И тут же свалился с параличом, не оставив императору ни единого шанса на маневр.

Чу Цзюсюй велел сыскать все увеселительные заведения вроде Манфанло и выяснить их точное число. Хотя времени прошло и немного, дознанщикам удалось насчитать двенадцать таких мест, и все они прятались в процветающих городах провинций.

В Шанцзине на поверхности царило затишье, но подспудные течения бушевали вовсю, удерживая хрупкое равновесие перед бурей. Никто не знал, в какой момент стихия разбушует и поднимет девятифутовые волны, но ждать оставалось явно недолго.

Во дворце Чу Юань шла чуть позади Чу Цзюсюя:

— Дядя, племянница всё обдумала и больше не станет ждать Хуа Юньгэ.

Чу Цзюсюй слегка кивнул:

— Я подберу тебе хорошую партию и выдам замуж со всеми подобающими почестями.

Чу Юань улыбнулась:

— Дяде не стоит утруждать себя. Раз уж Вдовствующая императрица благоволит младшему законному сыну Вэньчжэньского хоу, Чжоу Цзыхэну, пусть будет он.

Чу Цзюсюй почувствовал, как у него отчаянно затылок заныл:

— Только не он. Матушка уже в преклонных годах, если ты выйдешь за кого попало и твоя семейная жизнь не задастся, как она будет убиваться и переживать? Брак — дело серьезное, тут нельзя бросаться в омут с головой.

— Племянница бессовестна! — на мгновение умолкнув, Чу Юань присела в поклоне. — Полагаюсь на решение дяди.

— Тебе всего шестнадцать, ничего страшного, если выйдешь замуж годом позже. Дядя даст тебе время все спокойно обдумать, торопиться некуда, — попытался утешить ее Чу Цзюсюй.

Чу Юань горько усмехнулась:

— Дядя, в семнадцать лет выходить замуж — значит уже прослыть старой девой. Младшая сестрица моложе меня всего на год, нельзя же заставлять ее ждать, а то выданная замуж вместе со мной она станет лишь обузой.

При упоминании Чу Лин у Чу Цзюсюя голова заболела еще сильнее.

Мин Чэнь сидел в Зале Минхэ, а неподалеку Цзин У мерно ударял в деревянный гонг:

— Вэньчжэньский хоу уже парализован. А люди в его поместье... — он покачал головой. — Воистину бессердечны, способны поднять руку на родного сына.

Цзин У, продолжая перебирать четки под размеренный стук гонга, хранил молчание.

Мин Чэнь давно привык к подобной манере общения:

— Те увеселительные заведения, что ты просил меня отыскать, — я нашел девять.

По сравнению с результатами Чу Цзюсюя прыть оказалась не та.

Удивленно посмотрев на монаха, Мин Чэнь протянул:

— Право слово, я никак не ожидал, что ты станешь соваться в публичные дома. Следующим шагом ты снимешь монашеские одежды? А там глядишь, и до женитьбы с рождением сыновей недалеко.

Голос Цзин У оставался ровным:

— Ты слишком много думаешь.

Мин Чэнь с кислым видом фыркнул:

— Скучно.

Расставшись с Чу Юань, Чу Цзюсюй напрямик направился в Зал Минхэ и беспрепятственно вошел внутрь.

Завидев его, Мин Чэнь слегка изумился:

— Регент!

Кивнув ему, Чу Цзюсюй обратился к Цзин У:

— В Храме Защиты Государства еще принимают учеников? Я хочу уйти в монастырь.

Чашка в руке Мин Чэня выпала и со звоном разлетелась на мелкие осколки.

Цзин У замер, прервав свои манипуляции, поднялся с циновки:

— В Храме Защиты Государства учеников принимают. Но если регент туда поступит, нижайший станет твоему высочеству дядей-наставником по ордену!

Дядей-наставником по ордену!

Нет, на такое он точно не пойдет! Как бы ни свихнулся Чу Цзюсюй, вряд ли он станет искать себе в дяди-наставники самого Цзин У!

Цзин У придвинул Чу Цзюсюю стул, и тот размашисто уселся:

— Раз уж тебя постриг тот старый лысый пень, сделай одолжение — пусть настоятель снова примет ученика от имени старшего брата, и я стану твоим младшим соучеником.

Пропустив слова регента мимо ушей, Цзин У отправился в боковую комнату и вернулся с пиалой остужающего травяного отвара.

Мин Чэнь, устроившись на стуле, который притащил сам, попивая остывший чай собственного разлива и наблюдая за этой сценкой, даже опешил: выходило, что он здесь вроде как пасынок при злой мачехе!

Прихлебнув из пиалы, Чу Цзюсюй от горечи сморщился:

— Что за гадость?

— Чай из семян лотоса, прохлаждает и снимает жар.

Повернувшись к Мин Чэню, Цзин У произнес:

— Если дел нет, можешь идти.

Мин Чэнь: «.....»

Мало того что он пасынок, так еще и воспитанный злой мачехой в компании со злобным отчимом.

Молча поднявшись, Мин Чэнь вышел во двор. Нечего корить себя и спорить с этим черносердечным и ядовитым монахом — так он утешал себя, хотя на душе все равно скребли кошки. Сколько раз его втягивали в смертельно опасные авантюры ради этого чернеца, а ведь в Зале Минхэ ему ни разу не предложили даже чашки горячего чаю, не говоря уж о том, чтобы подвинуть стул! Истинно, небеса несправедливы!

В конце концов в монахи Чу Цзюсюй так и не постригся: признать Цзин У своим старшим сородичем по сану было решительно невозможно, а выдающимися медицинскими талантами и искусством врачевания Червей Гу, как у Цзин У, он не обладал, так что об исключении из правил нечего было и мечтать.

Лицемерный.

В министерствах и палатах по-прежнему стояло спокойствие. Государственных дел не предвиделось, и дни Чу Ланя текли в великом удовольствии. Сам же Не Минчжи радовался еще больше: с самого утра улыбка не сходила с его лица.

— Аудиенция окончена!

Чиновники потянулись из Зала Восходящего Солнца. Чу Цзюсюй не стал плестись в хвосте вместе с государственным наставником, а поспешил догнать Не Минчжи.

Сложив руки на груди, Цзин У произнес вслед Фань Вэньфану:

— Амиабха.

После чего тоже зашагал прочь.

В просторном зале остался лишь один молодой чиновник, который с улыбкой посмотрел на Фань Вэньфана и тоже развернулся. То был не кто иной, как единственный оставшийся в живых брат Чу Цзюсюя — княж Руяй Чу Фэн, сын старшей законной супруги Вэньчжэньского хоу, благородной наложницы Чжоу.

Проводив взглядом спину Чу Фэна, Фань Вэньфан погладил бороду и тоже вышел.

Едва ступив за порог, Чу Цзюсюй нос к носу столкнулся с неспешно шествующим Гоу Вэем, и лицо его приняло весьма и весьма красноречивое выражение.

Сам Гоу Вэй смотрел на сложную гримасу регента с полным недоумением: ему и в кошмарах

не приснилось бы, что Чу Цзюсюя просто воротит от слащавости его романов.

Не Минчжи придержал шаг, равняясь с идущим позади Чу Цзюсюем:

— Ваше высочество, у вас какое-то дело?

— Это я должен у тебя спросить, — отозвался Чу Цзюсюй. — У Минчжи какое-то радостное событие?

Не Минчжи снова расплылся в улыбке и понизил голос:

— У моей госпожи уже больше месяца под сердцем ребенок.

Не Минчжи стал компаньоном по учебе Чу Цзюсюя лишь после того, как весь клан Лоу был приговорен к смертной казни, к тому же он был на пять лет младше регента, и вот — не успело пройти и двух месяцев после свадьбы, как он уже готовился стать отцом.

Чу Цзюсюй мысленно прислушался к собственным ощущениям и с облегчением выдохнул: хорошо хоть не у него ребенок. Трое детей Чу Цзинцзэ успели наградить регента устойчивой психологической травмой.

Из-за этого императорский род Чу был несколько малочисленным. Император Чэнсюань оставил после себя лишь одного брата, у которого имелся сын и два внука; самому Чу Цзюсюю исполнилось двадцать семь, ни жены, ни детей у него не было, а Чу Лани после нового года стукнет лишь шестнадцать, и он тоже оставался холостяком бездетным. Единственный женившийся князь Руяй тоже не мог похвастаться многочисленным потомством — лишь один законный сын да внебрачная дочь.

Не Минчжи улыбнулся:

— После окончания службы ваш покорный слуга хотел бы пригласить ваше высочество в «Журавлиное подворье» пропустить чарочку, отпраздновать.

— Заметано! — согласился Чу Цзюсюй.

«Журавлиное подворье» было крупнейшим трактиром в Шанцзине, но когда Не Минчжи с Чу Цзюсюем подошли к нему, оказалось, что все места заняты.

Не Минчжи огорченно протянул:

— Похоже, сегодня мне не удастся попить вместе с вашим высочеством.

— Пустяки, — глядя на сгущающиеся сумерки, ответил Чу Цзюсюй. — Угостишь меня чашкой, когда настанет время праздновать полнолуние ребенка.

— И то верно, — кивнул Не Минчжи. — Тут неподалеку есть лавочка, где готовят превосходную пресную лапшу, позвольте мне угостить вас.

Чу Цзюсюй бросил короткое «угу» и зашагал вслед за Не Минчжи. Краем глаза он уловил фигуру человека, направляющегося в «Журавлиное подворье», и его брови чуть сошлись на переносице: Чу Фэн!

Заметив перемену в настроении регента, Не Минчжи осведомился:

— Ваше высочество, что-то стряслось?

— Ничего, — ответил Чу Цзюсюй. Раз уж он сам мог прийти в «Журавлиное подворье», то и Чу Фэн имел на это полное право, причем бывал там куда чаще.

Не Минчжи привел Чу Цзюсюя к небольшому уличному лотку, где вовсю хлопотала пара средних лет. В этом крошечном закутке под тусклым светом фонаря царила безупречная чистота. Отыскав свободный столик, они присели. Не Минчжи заказал две порции пресной лапши и две порции пресных вонтонов.

Называть это блюдо пресным было даже преуменьшением: в лапше плавала лишь зелень, и не было заметно ни малейшего намека на мясной бульон. С вонтонами дело обстояло точно так же — впору посоревноваться с вегетарианскими трапезами государственного наставника Цзин У.

Отпив бульон, сваренный на белой редьке — легкий, прозрачный и с едва уловимой сладковатой ноткой, — Чу Цзюсюй заметил:

— Тебе не обязательно подстраиваться под мои вкусы.

— Пустяки, — улыбнулся Не Минчжи. — Мне самому было любопытно узнать, чем же так очаровала ваше высочество та самая вегетарианская еда, из-за которой евнух Ван день и ночь переживал, что вы потеряете в весе.

— И как, нашел очарование? — поинтересовался Чу Цзюсюй.

Не Минчжи покачал головой:

— Не постигаю. По мне, так лучше съесть мяса, чем эту пресную травину.

Чу Цзюсюй хмыкнул:

— После таких слов твое утонченное лицо выглядит просто оскорблением. Это как раз про таких, как ты.

Не Минчжи улыбнулся с интеллигентным видом:

— Взаимно, ваше высочество.

Спешившись у ворот собственного особняка, Не Минчжи нос к носу столкнулся с вернувшимся Не Цзэу:

— Отец.

Лицо Не Цзэу покраснелось, от него слегка разило хмелем:

— Минчжи, сынок, иди сюда, заходи внутрь! Нынче отец необычайно весел.

Не Минчжи поспешно поддержал отца под локоть, уловив в воздухе слабый, чистый аромат вина:

— Не думал я, что мне не довелось отведать стряпни в «Журавлином подворье», зато отец, гляжу, посмаковал тамошнее «Зеленое бамбуковое».

Услышав это, Не Цзэу залился раскатистым смехом:

— Судьба мне улыбнулась! Добрый человек помог, как тут не выпить винца с дороги!

Подумав, что отец просто пьянствует с горячки, Не Минчжи мягко произнес:

— Отец, давайте-ка в дом войдем.

Кратковременное затишье в правительственных кругах было разорвано срочным докладом, отправленным с нарочным за восемьсот ли.

Бесстрастно листая депешу, Чу Лань за два месяца учебы у Цзин У уже успел перенять подлинно императорскую осанку; порой даже Чу Цзюсюй не мог постичь, что творится в голове у племянника — тот от рождения был рожден для власти, а годы рядом с регентом лишь сковывали его истинный потенциал.

Протянув свиток Чу Цзюсюю, император произнес:

— Регенту стоит взглянуть.

Евнух Пань подал доклад регенту, и тот, развернув бумаги, слегка помрачнел.

В Чжэчжоу грянула невиданная за сто лет засуха, крестьяне остались без единого зернышка урожая, народ бежал со своих земель, а местный префект Вэй Юань покончил с собой, не вынесем груза вины.

Всего одна депеша — а от написанного кровь стыла в жилах. Чжэчжоу славился своими густыми лесами и лекарственными травами, добрая половина крестьянских наделов там состояла из аптечных огородов, и никакая засуха не могла привести к массовому бегству людей. К тому же Чу Цзюсюй приложил немало усилий, чтобы внедрить в Чжэчжоу своего человека, однако до сегодняшнего дня не получал оттуда ни единой весточки о беде. Стало быть, сокрытие информации было поставлено на широкую ногу.

Передав депешу Цзин У, регент дождался, пока тот пробежит ее глазами, и передал Фань Вэньфану, а тот, с бесстрастным лицом изучив содержание, пустил свиток дальше.

Восседая на троне, Чу Лань молча следил за выражениями лиц приближенных и наконец произнес:

— Что думают уважаемые мужи?

<http://bllate.org/book/21929/2278346>